

Вернувшись в Ханчжоу в полном помутнении рассудка, У Се даже не понимал, как именно Ван Мэн смотрит на него. Ему казалось, что в голове образовалась абсолютная пустота. Поднявшись на второй этаж, он с головой укутался в одеяло, прижимая к груди оставленную Мэньюпинем напоследок Призрачную печать.

Быть может, на этом всё и закончилось? Он вернулся к нормальной жизни. Но У Се знал: всё это — лишь начало. В мире без Мэньюпиня он — выброшенная на мелководье рыба, и за пределами темноты её ждёт только смерть.

Лишь потеряв, по-настоящему осознаёшь, что глубина чувств уже выросла в самую душу. Он давным-давно сплёлся с этим молчаливым человеком в нечто единое целое.

Ранним утром следующего дня У Се даже сам удивился тому, что смог заставить себя проснуться. Его сердце давно онемело и не чувствовало ровным счётом ничего, однако он по привычке выпил воды, позавтракал, а затем сел на то самое место, где раньше сидел Мэньюпинь, и застыл в фирменной позе, глядя в небо под углом в сорок пять градусов.

ТЬФУ!

У Се никогда не отличался привычкой пялиться в потолок, он просто машинально скопировал чужое движение — и вдруг заметил на собственном потолке странный след.

Притащив стул, У Се забрался наверх. Потолок в его доме был отделан кафельной плиткой, но поскольку он никогда особенно не наводил здесь порядок, У Се точно помнил, что плитку не менял. Однако та плитка, на которую он сейчас уставился, заметно отличалась по цвету от остальных — эта оказалась гораздо свежее.

У Се осторожно поддел её ножом, и с громким стуком облетел весь окружающий кафель. На бесчисленных разлетевшихся на мелкие кусочки осколках тихо лежал бумажный конверт из крафт-бумаги.

У Се с замиранием сердца покосился на потолок, убеждаясь, что оттуда больше ничего не собирается падать, спрыгнул со стула, подобрал конверт и, зайдя в спальню, вытряхнул на кровать всё, что было внутри.

Удостоверение личности, десять хрустящих банкнот бледно-зелёного цвета и белая записная листка.

У Се машинально взял записку, и его сердце на мгновение пропустило удар. На ней красовались выведенные неповторимым почерком Мэньюпиня слова:

У Се:

Прошу прощения за то, что самовольно забрал твоё удостоверение личности. Ты — моя единственная связь с этим миром, поэтому я оставляю тебе все свои сбережения. Надеюсь, твоё будущее будет прекрасным.

Чжан Цилин

Трясущимися пальцами У Се подобрал одну за другой тонкие зелёные бумажки и вгляделся в напечатанные на них цифры. Его сердце снова болезненно сжалось.

Каждый банковский чек был выписан на имя У Се. На каждом значилась фиксированная сумма в один миллион. Всего Чжан Цилин оставил ему десять чеков на общую сумму в десять миллионов.

— Мир без тебя... неужели вся эта бумага имеет для меня хоть какой-то смысл? — пробормотал У Се сам себе.

Он резко схватил с кровати рюкзак и вытащил Призрачную печать. В её тёмном камне отразилось лицо У Се. Десять лет? Он не смог бы выждать и минуты.

Раз уж я — твоя единственная связь с этим призрачным миром, значит, я сам найду тебя и верну домой!

У Се до боли сжал кулаки, произнося это словно вслух, словно самому себе.

Резко подняв голову, У Се полностью спрятал прежнюю наивность, и его аура претерпела невероятные, кардинальные изменения. Раз уж это ту самую наивность ты отчаянно пытался защитить до самого конца, я сохраню её, пока мы не встретимся вновь. А когда я найду тебя, то снова достану и подарю тебе.

Неделю спустя, когда У Се появился в своей маленькой антикварной лавке, Ван Мэн испуганно выскочил из-за компьютера и подобострастно отрапортовал:

— Добрый день, босс!

— Мм, — отозвался У Се.

Пройдя прямо в магазин, он опустился перед компьютером и пронзительным взглядом уставился на Ван Мэна.

— Босс? — Ван Мэн почувствовал себя неуютно под этим тяжёлым взглядом и машинально подал голос.

— Принеси бухгалтерские книги, я хочу на них взглянуть.

— Слушаюсь! — кивнул Ван Мэн, стрелой метнулся в подсобку, вытащил амбарные книги и почтительно положил их перед столом У Се.

— Я даю тебе семь дней оплачиваемого отпуска. Через семь дней я отправлюсь в Чанша, чтобы взять под контроль дела дяди, — произнёс У Се.

— Слушаюсь, босс. Тогда сегодня я пойду домой пораньше, — втянув голову в плечи, пробормотал Ван Мэн и пулей вылетел за дверь.

У Се лениво полистал бухгалтерские книги и машинально поднял голову. На этот раз с потолком всё было в полном порядке.

— Ладно, пожалуй, я зря накручиваю себя, — с горькой усмешкой покачал головой У Се.

В этот момент зазвонил телефон.

Взяв трубку, он увидел на экране номер Ван Толстяка. Стоило вызову соединиться, как в динамике раздался зычный, раскатистый голос:

— Малыш Наивный! Ты как там? — возбужденно заорал Ван Толстяк.

— Нормально, — отозвался У Се.

— Чего это у тебя голос такой похоронный? — озадаченно поинтересовался Толстяк.

— Сяо Гэ ушёл за Бронзовые Врата, — тихо проговорил У Се. Каждое слово отдавалось в его сердце так, будто его полосовали ножом. Он битый час бессвязно и сбивчиво рассказывал Ван Толстяку обо всём, что произошло при их последнем расставании с Сяо Гэ.

— Ладно, я понял. Завтра же беру билет на самолёт и лечу к тебе. Наивный, держись! — и Ван Толстяк поспешно сбросил вызов.

У Се, держа у уха телефон и слушая монотонные гудки, невольно горько усмехнулся.

Ранним утром следующего дня У Се принял второй звонок от Ван Толстяка — тот сообщил, что прилетает уже во второй половине дня и велел встречать его в аэропорту.

У Се лишь коротко бросил в трубку лаконичное «хорошо», закрыл лавку и загодя отправился в аэропорт Ханчжоу. Встретившись с Ван Толстяком в назначенный час, У Се на мгновение

ощутил странное головокружение, словно вокруг ничего не изменилось: Сяо Гэ по-прежнему числился в профессиональных пропавших без вести, а Ван Толстяк, так и не встретившись с Юньцай, оставался всё таким же бесшабашным.

Заметив глуповатую, застывшую улыбку на лице У Се, Ван Толстяк почувствовал, как в груди закипает какая-то смутная, давящая злость, выплеснуть которую он, впрочем, не мог. Ему просто стало невероятно тоскливо при виде этого ставшего чужим человека.

Вечером они, как и прежде, отправились в ресторан Лоувайлоу, заказали целый стол еды, но на этот раз — вопреки всяким традициям — обошлись без алкоголя. Оба молча уплетали угощения, и атмосфера за столиком стояла такая тяжёлая и гнетущая, что можно было расслышать падение швейной иглы.

В конце концов Ван Толстяк первый не выдержал. Хлопнув У Се по спине, он выдал:

— Наивный, хочешь выплакаться — так реви! Пускай финал вышел паршивым, но мы же знаем, где искать Сяо Гэ, верно? Я пойду с тобой, вместе его вытащим.

— Через пять дней я уезжаю в Чанша принимать дела дяди. Пан Цзы больше нет, и кое с чем мне придётся разбираться самостоятельно, — бесстрастно произнёс У Се.

— Я поеду с тобой, — верный своему слову заявил Ван Толстяк.

— Разве тебе не нужно вернуться в Пекин, показаться там? — У Се поднял голову и посмотрел на него спокойным взглядом.

— С чего это мне возвращаться и бросать тебя в таком состоянии? Разве я могу быть спокоен? — возмутился Ван Толстяк в манере человека, чьи надежды наставника пошли прахом.

— Я в порядке. Ты же сам только что приехал, лучше побудь здесь пару дней, разберись со своими делами, а потом приезжай в Чанша помогать мне, — глядя на него, произнёс У Се.

— Ладно, пускай так, — Ван Толстяк вгляделся в лицо У Се и понял, что в зрачках друга не отражается даже его собственное сиюминутное присутствие. Тревога не отпускала, но спорить он больше не смел и был вынужден просто согласиться.

— В эти дни я обзвоню всех остальных. Не переживай, — добавил У Се, заметив невысказанное сомнение на лице товарища.

— Мм, главное, чтобы ты сам держался, — с беспокойством глядя на него, проговорил Ван Толстяк.

— Я справлюсь. У меня есть Десятилетнее обещание, я должен вернуть его домой, — твёрдо заявил У Се.

— Ой, ну посмотрите на нашего Наивного! — не выдержав, брякнул Ван Толстяк.

— Что? — равнодушно покосился на него У Се.

— Ты можешь не изображать из себя обиженную молодую жену? На кого ты похож! Вернись Сяо Гэ сейчас — подумал бы ещё, что мы тут над тобой издевались! — поддел его Толстяк.

— Если он сможет вернуться, я готов перевернуть свою фамилию «У» и записать её задом наперед по твоему батюшке! — злобно бросил в ответ У Се, метнув в него убийственный взгляд.

— Ого, да ты погляди-ка! Не виделись какое-то время, а у тебя теперь ни нрав, ни манеры — вылитый Сяо Гэ! — продолжал подначивать его Толстяк.

— Ешь давай, — бросив на него косой взгляд, У Се снова сосредоточился на еде.

— Ну и последнее слово за мной: вернись Сяо Гэ, ты ведь всё равно останешься при его фамилии, с какой стати тебе переходить на мою? Выходит, ты теперь мадам Чжан, да? — не унимался неугомонный Толстяк.

У Се поджал губы: поняв, что смертоносные взгляды на того больше не действуют, он перестал тратить силы и просто молча продолжил ужинать.

В точности как и обещал, он принялся по очереди обзванивать Сяо Хуа, Второго дядю и родителей. И лишь сидевший рядом Ван Толстяк отчётливо видел: каким бы бодрым и звонким ни казался голос У Се, выражение его лица застыло ровно в тот момент, когда Сяо Гэ переступил порог невозврата, и с тех пор не изменилось ни на йоту.

Прошла неделя. У Се спрятал оставленные Сяо Гэ баснословные богатства в банковскую ячейку, а затем долго и внимательно всматривался в каждый уголок своей лавки, словно пытаясь навсегда выжечь её образ в памяти.

Ван Толстяк, заметив это странное поведение, встревожился и поспешил сказать:

— Слушай, Наивный, ты ведь не насовсем уходишь, закончим дела — в любой момент сможем вернуться назад.

— Я знаю, — отозвался У Се.

Ван Мэн появился с самого утра, принес с собой завтрак в знак подобострастия, и закричал с первого этажа:

— Босс, завтрак стынет!

— Пойдём. Похоже, этот парень только и ждёт, чтобы я сгинул где-нибудь на чужбине и больше не возвращался, — внезапно усмехнулся У Се.

Ван Толстяк слегка нахмурился и отвесил У Се такую затрещину, что тот едва не споткнулся:

— Какую же ты, мать твою, херню несёшь! Тьфу-тьфу-тьфу! Пока твой Толстяк-гэ рядом, посмей кто только пальцем тебя тронуть — пусть справятся сначала, кто такой Ван Юэбань из пекинского Паньцзяюаня!

— Братишка, — у У Се покраснели глаза.

— Хватит тут разводить бабские сопли! Мы с тобой всё-таки через смерть прошли, — крепко сжав руку У Се, произнёс Толстяк.

— Угу.

У Се глубоко вздохнул, снова беря свои эмоции под контроль.

Они с Ван Толстяком спустились вниз. Ван Мэн уже расставил завтрак на столе и, завидев их появление, поспешил выслужиться:

— Босс, это я сегодня специально для вас сбегал купить, свеженькое! О, и Ван-лаобань здесь? Гляньте, хватит на двоих?

— Хватит, — бросил косой взгляд на еду У Се.

Троица в гробовой тишине принялась уплетать завтраки, пока у Ван Мэна от дурных предчувствий внутри всё сжималось в комок.

— Босс, а вы... когда планируете вернуться? — осторожно осведомился он.

— Разберусь с делами — и вернусь, — ответил У Се.

— Тогда возвращайтесь поскорее, я боюсь, что один тут не справлюсь со всем, — втянув голову в плечи, забормотал Ван Мэн.

— С чем тут не справляться? Позвонишь мне, чай, не под землёй сидим, в Чанша связь есть, — бросил на него короткий взгляд У Се.

— Наивный, ты случайно ничего от нас не скрываешь? — с подозрением осведомился Ван Толстяк.

— С чего бы? — наотрез отнёс обвинение У Се.

— Точно, босс! Когда я утром открывал лавку, в щели двери было зажато какое-то письмо, — спохватился Ван Мэн и протянул конверт.

— Подожди-ка, — У Се бросил на Ван Мэна предостерегающий взгляд, вытащил из кармана абсолютно новенькие белые перчатки, натянул их на руки и только после этого взял конверт.

— Малыш Наивный, ты не перебарщиваешь? Давай я сначала взгляну, мало ли, вдруг там какая-нибудь ловушка? — прокомментировал его излишнюю осторожность Ван Толстяк.

— На нём нет ни марок, ни почтовых штемпелей. Непонятно даже, кто его прислал, — ответил У Се.

Он аккуратно вскрыл конверт: внутри оказалась всего одна бумажка, на которой машинописным шрифтом было выбито лишь одно предложение:

Это ты довёл его до смерти.

Рука У Се дрогнула, и письмо упало на пол. Ван Толстяк с молниеносной реакцией бросился к выходу из лавки, распахивая дверь на улицу.

— Ван-лаобань, там уже давно никого нет, — чувствуя неладное, подбежал к дверям Ван Мэн и испуганно огляделся по сторонам пустой улицы.

— Черт, только попадись мне этот ублюдок! — выругался Толстяк.

— Всё в порядке, Толстяк, пойдём, — У Се наклонился, скомкал злосчастную записку и выбросил её в урну.

— Босс, счастливой дороги! — с тревогой в голосе произвёл напутствие Ван Мэн, наблюдая за странными манёврами начальника.

— Да, Ван Мэн... — У Се, словно вспомнив о чём-то крайне важном, резко развернулся и ухватил парня за рукав.

— Я слушаю, босс, — Ван Мэн от неожиданности испугался этого внезапного выражения лица, мгновенно подобравшись и превратившись в сплошной слух.

— Если... я говорю «если»... в те дни, когда меня не будет, этот Сяо Гэ вдруг придёт меня искать, ты обязан позвонить мне максимум через тридцать секунд. Если до меня не дозвонишься — следующие тридцать секунд звони Толстяку или Сяо Хуа, понял? У них найдутся способы связаться со мной, что бы ни случилось.

— Понял, босс! Если надо, я даже если он меня задушить решится, всё равно вцеплюсь в его ноги и не отпущу! — истово закивал Ван Мэн.

— Угу, а если он всё-таки вернётся — корми его самой лучшей едой, пои дорогим вином, исполняй любые капризы, но удержи! — подчеркнул У Се.

— Сделаю, босс, — кивнул Ван Мэн.

— Наивный, ну ты глянь, бедного паренька до полусмерти запугал, — не выдержав, вставил своё слово Ван Толстяк.

— Ван-лаобань шутит, я же прекрасно понимаю, о ком вы говорите: о том самом молчаливом Малыше Сяо Гэ с золотыми руками. Если зять объявится, я сделаю так, чтобы весть долетела до вас на реактивной тяге! — хитро ухмыльнулся Ван Мэн.

— Ладно. Все расходы на удержание компенсирую в двойном размере, да и зарплату тебе вдвое подниму, — не обратив особого внимания на «зятя», на ходу пообещал У Се.

Ван Толстяк не удержался от короткого смешка, а У Се остался сидеть в полном недоумении. Впрочем, он вдруг отчётливо понял, что Наивный остался прежним Наивным, и в глубине души ничегошеньки не изменилось — ровно так же, как тогда, когда они пробирались в Древнюю башню семьи Чжан за Сяо Гэ. Только на этот раз они шли за ним, чтобы вернуть его домой.

— Наивный, хорош хандрить. Клянусь, я пройду с тобой этот путь до самого конца, вырвем Сяо Гэ из лап его родни. Наша «железная тройца» ещё воссоединится. Десять лет пролетят быстро, а тебе надо беречь себя и хорошо питаться — не то вернётся Сяо Гэ, а перед ним вместо тебя старый дядька! — подмигнул Толстяк.

— Я что, постарел? — растерянно моргнул У Се и тут же судорожно схватился за карманное зеркальце.

— Не старый, не старый! Просто выглядишь немного измождённым, выписься — и всё пройдёт, — успокоил его Толстяк.

— Ладно. Погнали, в чаншанских делах нас ждет куча нерешённых вопросов, — через силу

выдавил из себя бодрый тон У Се.

— То-то же! Хотя Сяо Гэ и правда тот ещё кремень — оставил тебе целый миллион, хватит кутить напропалую какое-то время. Только вспомни, сколько он за свою жизнь кровью харкал, рискуя головой под землёй — неужто его «гонорар за спуск» стоит так дешево? Всего десять миллионов оставил, жмотяра бесчувственный! — проворчал Толстяк.

— Это деньги, которые Сяо Гэ заработал кровью и потом. Я сохраню их для него, пусть потратит сам, когда вернётся. К тому же... я ни за что не поверю, что клан Чжан, стоящий за его спиной, совсем никак не связан с этими деньгами, — холодно отрезал У Се.

Ван Толстяк защёлкал языком, но слова, уже вертевшиеся на кончике языка, так и не сорвались с губ.

У Се поспешно дожевал остатки завтрака, взбежал наверх, замотал Призрачную печать в три слоя упаковки и, убедившись в её абсолютной безопасности, сунул свёрток в рюкзак. Окинув взглядом обстановку комнаты и убедившись, что больше ничего брать не нужно, он запер дверь на замок.

С собой он уносил все свои сбережения и вещественное доказательство Десятилетнего обещания. На сердце не было страха — лишь железобетонная решимость. Он спускался по лестнице с мрачной, величественной трагичностью солдата, идущего на верную смерть.

Ван Толстяк нашел вид сосредоточенного У Се весьма забавным. Дожевав последний кусок завтрака, он поднялся со стула, закинул за плечи собственный походный рюкзак и поравнялся с другом.

— Толстяк, спасибо тебе, — искренне произнёс У Се.

— Да брось ты, — и Толстяк дружески врезал У Се кулаком в плечо.

У Се и сам испугался этой внезапной сентиментальности. Стоило вспомнить, как раньше он напяливал на себя чужие маски, лавируя между чужими интригами и заговорами... Но сейчас он шёл с открытым лицом, и без поддержки Пан Цзы — во что же превратится вся эта заварушка?

При мысли о Пан Цзы взгляд У Се снова помрачнел. Скажи этот старый, закалённый в боях вояка хоть слово, что бы он сейчас посоветовал?

— Дорога в небо — девять тысяч девятьсот девяносто девять ли... Сестрица, ты смело шагай вперёд! Шагай вперёд, не оглядываясь назад... С той поры возведёшь ты свой алый терем, кинешь красный шёлковый шар прямо мне в голову, разопьём мы с тобой чарочку красного гаолянового вина, красного гаолянового вина-а-а! — чутко уловив перемену в настроении У Се,

затянул во всю глотку песню Ван Толстяк.

Пел он по-прежнему чудовищно фальшиво, но из глаз У Се фонтаном брызнули слёзы. У Се никогда не считал себя великим героем, но эти грубые строки полоснули прямо по сердцу, словно острый нож.

— Хватит орать! — почти сорвавшись на крик, У Се рухнул на корточки, прижимая к груди рюкзак, а крупные капли слёз падали на пол, оставляя тёмные пятна на досках.

Ван Толстяк от неожиданности дёрнулся. Слова утешения комом застряли в горле, и вытолкнуть их наружу оказалось выше его сил.

Ван Мэн растерянно смотрел на эту странную парочку. Ему почему-то казалось, что на этот раз поездка босса в Чанша отнюдь не ограничится простым принятием дел. Точно так же когда-то безучастно стоял перед ними безмолвный Сяо Гэ, точно так же неизменно появлялся рядом с Третьим дядей Пан Цзы... Неужели и на этот раз кто-то из них навсегда исчезнет из людской памяти?

Впервые в жизни Ван Мэн поймал себя на том, что тоже становится сентиментальным.

— Пошли! — поднявшись и стоя спиной к Толстяку, бросил У Се. Его голос звучал хрипло, но на редкость чисто.

Ван Толстяк хлопнул У Се по плечу и машинально проследил за его взглядом, устремленным в небо. Всё та же классическая поза — запрокинутая на сорок пять градусов голова, позволяющая эффективно сдерживать рвущиеся наружу слёзы.

Чжан Цилин, когда ты вечно принимаешь такой вид — неужели ты делаешь это ровно затем же, чтобы заглушить бушующую в груди тоску и боль?

— На этот раз я не позволю отнять у себя больше ни единого человека. Я просто поеду, заберу Сяо Гэ домой, и мы заживём самой обычной, мирной жизнью, — крепко сжав кулаки, произнёс У Се.

— Ладно! Когда вернемся, я тоже осяду здесь на старости лет, — по-братски заверил его Ван Толстяк.

— Ван Мэн, если что — звони, — бросил прощальное напутствие У Се и ускорил шаг к выходу.

Глядя на исчезающие силуэты У Се и его спутника, Ван Мэн чувствовал себя совершенно потерянным.

Незадолго до посадки в самолёт У Се набрал нигде не подписанный номер. Из динамика послышался ленивый, вызывающий голос:

— Ого, какие люди. Давно не виделись.

— Идём в горы? — без долгих предисловий начал У Се.

— Погоди-ка. Нашёл жирную гробницу? — с неожиданным интересом переспросил Хэй Яньцзин.

— Кое-что попроще, — легко ответил У Се.

— И что же тебе понадобилось? — насторожился слепой.

— Беру под контроль дела Третьего дяди. Мне нужны железные палочки для еды.

— А Немой где? — в голосе Хэй Яньцзина прозвучало искреннее удивление.

— Он взял на себя ответственность перед семьёй. Сам понимаешь, — не стал вдаваться в детали У Се.

— Ладно. Но мои расценки за выход...

— По старому тарифу. Увидимся в Чанша, — бросил У Се и, не дожидаясь ответа, оборвал вызов.

— Наивный, ты кого это припахал? — тут же любопытствовал Ван Толстяк, заметив странную улыбку на лице товарища.

— Чёрных Очков, — не стал скрывать У Се.

— Того самого легендарного и таинственного Чёрного Очкового, о котором ходят те же слухи, что и о Сяо Гэ? — поразился Ван Толстяк.

<http://bllate.org/book/22030/2290336>